

В некотором царстве, в некотором государстве жил царь на царстве, король на королевстве, как челнок на берегу. Так сказки зачинаются, припеваются. А наша сказка не про царя, не про короля, а про девицу-красавицу Палашеньку и её злую мачеху.

Жили-были старик со старухой и с дочерью Палашенькой. Хорошо, дружно жили. Да вот пришла беда — занемогла старуха и померла в одночасье. А перед смертью благословила дочку и сказала: — Всё хозяйство — отцово, а коровушка-бурёнушка — твоя, приданая.

В народе так говорится: мать по родному дитятку весь век до гроба плачет, муж по жене тужит, пока глиняный горшок, что из печи вынут, на столе кипит. Погоревал, погоревал муж, да и женился на вдове. У той вдовы три дочери было: Одноглазка, Двуглазка и Трёхглазка. Мать зла, а дочери ещё злее. Невзлюбили они старикову дочку Палашеньку. С утра до вечера каждым куском корили, при чёрной работе держали.

А как весна пришла, заставила мачеха падчерицу коров пасти. «Больно красива, — говорит себе. — Пускай её белую кожу солнце дочерна опалит, ветер иссушит!»

Разбудит мачеха Палашеньку до света, даст с собой горбушку хлеба, да такую чёрствую, что и конь копытом не растопчет, а ещё велит шерсти напрядь, пока коровы траву щиплют. Какой урок ни задаст, все Палашенька выполнит и домой вернётся лучше прежнего. Будто облачко, что в небе плывёт, ей лицо отбелило, будто утренняя зорька щёки нарумянила.

«Ох, что-то тут не так!» — думает мачеха.

И посылает с падчерицей свою младшую дочь Одноглазку.

— Последи за ней, доченька. Что увидишь — мне расскажешь.

Смотрит Одноглазка во весь глаз — ничего на лугу не случается: коровы пасутся, неродная сестрица прядево прядёт. Скучно стало Одноглазке, зевнула она.

Палашенька говорит:

— Приляг, отдохни, я тебя побаюкаю.

Принялась ей волосы гребнем расчёсывать, приговаривать:

— Усни, глазок, да усни, глазок!..

Закрылся глаз у Одноглазки, крепко она уснула. А пробудила её Палашенька, когда солнце уже на закат пошло.

— Вставай, сестричка, пора коров домой гнать.

Назавтра посылает мачеха Двуглазку сторожить падчерицу. А Палашеньке ещё больше напрядь велела.

Солнце к полудню припекло, разморило Двуглазку. Сама она не заметила, как на траву прилегла. А Палашенька взяла гребень, косы ей чешет и приговаривает:

— Усни, глазок, усни другой!..

Двуглазка и заснула.

Вернулись обе вечером. У Двуглазки лицо от солнца да ветра потемнело. У Палашеньки ещё светлее стало. И шерсть вся спрядена.

Рассердилась старуха на свою родную дочь, да не её — падчерицу разбранила. Сама меж тем думает: «Так-то оно так, да что-то не так!»

И на третий день Трёхглазку послала. Дала ей с собой медовую коврижку и горшочек каши, а



Палашеньке — корку хлеба да мешок шерсти, чтоб всю до вечера спряла.

Трёхглазка коврижкой лакомится. Палашенька за коровами приглядывает, шерсть прядёт. Только как ни гнёт спину, шерсти мало убавляется.

За работой не до сна, а безделье да дремота об руку ходят. Стало Трёхглазку в сон клонить.

Палашенька говорит:

— Приляг, сестричка, я тебе волосы расчешу.

Взяла гребень, чешет волосы Трёхглазке и приговаривает:

— Спи, глазок, да усни другой!..

Спит один глазок, и другой уснул. А про третий — забыла. Смотрит третьим глазом Трёхглазка, за всем следит, всё примечает. Видит — встала Палашенька, подозвала коровушку-бурёнушку, влезла ей в правое ухо, в левое вылезла. Да такая нарядная! Сарафан на ней парчовый, кокошник речным скатным жемчугом шит, в косах ленты голубые да алые. Прошлась Палашенька по лугу, будто пава, под её ногой травинка не шелохнётся, цветок не наклонится.

Погуляла так, погуляла, поплясала, песню спела и опять бурёнушке в ухо влезла, только не в правое, а в левое. Из правого вылезла, как раньше была, в старой одежке. А в мешке вся шерсть тонкой нитью спрялась.

Тут уж пора и коров домой гнать. Стала Палашенька будить Трёхглазку. А та потянулась да раззевалась, будто весь день и вправду крепко спала.

Как пришли домой, Трёхглазка всё матери рассказала, что видела, что вызнала.

Старуха принялась старика точить-пилить:

— Зарежь бурёнку! Что с неё толку, молока даёт мало, травы ест много.

Старик отнекивается.

— Не моя, — говорит, — бурёнушка, дочкина.

А мачеха своё: зарежь да зарежь!

Палашенька услышала, горючими слезами залилась, побежала в хлев к бурёнушке, обнимает её, целует. А бурёнушка говорит ей человеческим голосом:

— Не плачь, не горюй. Зарой мои рожки да копытца под своим окошком. Увидишь, что будет.

Всю ночь мачеха старика поедом ела. Наутро зарезал он бурёнку. Старуха мясо засолила, а Палашеньке рожки да копытца отдала.

— Вот, — говорит, — твоя доля.

Палашенька закопала рожки да копытца у себя под оконцем, как бурёнушка велела. Сестры над ней смеются. Да недолго смеялись: трёх дней не прошло, вырос под окошком у Палашеньки сад дивный, невиданный. Шесть яблонь — золоты яблоки, серебряны листья. На ветках птицы распевают, под яблонями кот-баюн мурлычет, сказки сказывает.

Проезжал мимо добрый молодец, Иван — торговый сын, купецкий внук. Залюбовался садом, попросил одно яблочко.

Побежали старухины дочери яблоки рвать, да не тут-то было! Ветки их по лицу хлещут, птицы клюют, кот-баюн когти растопырил, шипит, грозится. Испугались сестры, прочь кинулись.

А Палашенька вышла из дому — яблони к ней ветки клонят, кот-баюн мурлычет, птицы распевают. Протянула Палашенька руку, яблоко само ей в ладонь скатилось. Тут она его с поклоном Ивану — торговому сыну поднесла. Взял он яблоко и говорит:

— Хорош твой сад, а ты и того лучше. Если посватаюсь, пойдёшь ли за меня, красна девица?

— Пойду, — тихонько Палашенька ответила.

Мачеха чуть со злости не лопнула, дочери её от зависти день-деньской ревели. Да что поделаешь!

— Ладно, — старуха дочкам сказала, — сад-то нам останется.

Обнесли сад высоким забором, чтоб прохожие не заглядывали, на ворота большой замок навесили. Да не вышло по-ихнему.

Как сыграли свадьбу, молодой молодую к себе повёз. Только кони тронулись, сами собой ворота растворились, корни яблонь сами из земли вытащились, и пошёл сад следом. Над ним птицы летят, а позади всех кот-баюн бежит. А за высоким забором голая земля осталась, ямы да рытвины.

В мире и согласии зажили молодые. Через год Палашенька своему мужу сына родила, как раз на ту пору по торговым делам в другой город ехать понадобилось. Собирается он в путь, жене Палашеньке наказ даёт:

— Береги ребёнка, себя береги! А мачеху с сестрами на порог не пускай...

Сказал так, жену, сына на прощанье поцеловал и уехал. Мачеха про то узнала — проведала. И — тут как тут — в дом стучится.

— Не пуцу! — говорит Палашенька. — Мне муж не велел. Иди с миром, откуда пришла.

А мачеха ей с крыльца:

— Не со злом я к тебе, Палашенька. Муж твой мимо нашего дома ехал, платок обронил, а я подняла. Тот платок, что ты ему цветными шелками вышила. Приоткрой дверь, я тебе его отдам.

Поверила Палашенька, приоткрыла дверь. Мачеха поставила ногу на порог, ударила падчерицу и заклятье проговорила:

— Не бывать тебе молодой женой, Обернёшься рысью злою, бегучею... Не баюкать младенца над светлой водой, А бежать за тёмной водой, за текучею.

Вмиг Палашенька рысью обернулась, в дремучий лес убежала.

А мачеха привела Двуглазку, обрядила в Палашенькино платье, косы под платок убрала. Никто того не видел, не слышал, одна нянюшка всё видела, всё слышала. Да ведьма-мачеха ей лютой смертью пригрозила, вот она и смолчала.

Вскороści вернулся домой Иван — торговый сын. Смотрит — диву даёт. Всего семь дней дома не был, а жена переменялась, признать её не может. Была краше майского цвета, а теперь ровно привяла. Была добрая да ласковая, взглянет — будто солнышко пригреет, а теперь стала, как ненастный день, хмурая. И ребёнок плачет, заливается.

Иван спрашивает:

— Почему ребёнок плачет?

Двуглазка отвечает:

— Нянька-мамка всё с ним в чисто поле, в тёмный лес гулять ходит. Вот и приучила.

— Как приучила, пусть так и делает, — говорит Иван.

Взяла нянька дитяtko и пошла в чисто поле, в тёмный лес.

А Двуглазка-подменница меж тем Ивана просит:

— Пойдём, милый, в мой сад на прогулку-разгулку!

Только в сад ступили, враз серебряные листочки свернулись, певчие птицы не поют, кот-баюн не мурлычет. «Ой, лихо, неладно что-то!» — говорит себе Иван.

День миновал, другой миновал, опять заплакал ребёнок. Нянька его подхватила, туго спеленала, полотном повила, побежала в чисто поле, в тёмный лес. Иван—торговый сын за ней крадёт. Нянька с младенцем у кустика села, где лес кончается, поле начинается. Иван — торговый сын за кустиком притаился.

Выбежали из лесу рыси. Нянька им кричит:

— Рыси вы, рыси, побегучие рыси! Не бегите мимо. Слышите, младенец плачет, есть хочет.

Отвечают рыси:

— Некогда нам останавливаться, на охоту спешим. А младенцева мать позади нас с другой стаей.

Пробежали рыси, а дитя пуще того плачет.

Вот опять рыси из лесу выбегают. Нянька снова кличет:

— Рыси вы, рыси, побегучие рыси! Не бегите мимо. Слышите, младенец плачет, есть хочет.

Бегут рыси мимо. Одна рысь остановилась. Рысью шкурку с себя сбросила, красавицей обернулась, взяла дитя на руки, к белой груди прижала, кормит его, приговаривает:

— Пей, ешь, моё дитяtko рожоное, чтоб заснуть на двое суток. Узнал Иван свою Палашеньку, взял тихонько шкурку, развёл костёр и шкурку в огонь кинул. Горит шкурка, а Палашенька говорит:

— Ох, что-то палёной шерстью пахнет.

Покормила ребёнка, нянюшке отдала, к тому месту, где шкурка лежала, кинулась.

Тут и схватил её Иван. Закричала она, бьётся, вырывается. Билась, билась в его руках, да и свилась

в золотое веретёнце. Иван то веретёнце взял, мигом пополам переломил, половинку через плечо бросил, половинку к ногам кинул и сказал:

— Позади меня цветно платье, впереди меня жена-красавица!

Как сказал, так и сделалось. Встала перед ним Палашенька, надела цветно платье, мужа обняла, всё ему рассказала.

Пошли они домой. Через сад проходили — серебряные листочки расправились, птицы запели, кот-баюн замурлыкал.

Прогнал Иван Двуглазку прочь. С тех пор ведьма-мачеха со своими дочерьми и близко подходить боялась.

А Иван — торговый сын с Палашенькой стали счастливо жить-поживать, добра наживать, сыночка растить.